

чае же с прошедшим временем глагола морфологическая иррадиация называется категорией рода существительного *конь*: конь *бежал*, нельзя конь *бежала* (но лошадь *бежала*). В результате в формалистической грамматике такие сочетания, как *конь бежит* и *конь бежал* развешиваются (хотя в смысловом плане они, разумеется, сближаются), а такие, как *хочу читать* и *мне холодно* сближаются (хотя в смысловом плане у них нет ничего общего). Л. В. Щерба уже в конце 20-х годов понимал огромную опасность подобного искусственного противопоставления смыслового и формального рядов в грамматике ⁴.

Формальный ряд (при полной изоляции от ряда смыслового) превращается в *формалистический ряд* в грамматике. Его функция в языке перестает интересовать исследователя. Различие между *формальным* и *формалистическим* обнаруживается вполне конкретно.

Как видим, проблема взаимодействия формальных и смысловых рядов в грамматике — это проблема достаточно сложная и достаточно старая, и все же, несмотря на постоянные подчеркивания многих лингвистов нашего века чисто формального характера и грамматики, и языка вообще («язык — это форма; а не субстанция» ⁵), острая борьба вокруг истолкования п р о д о л ж е н и я не утихает в нашу эпоху во всем мире. Попытки «снять» проблему субстанции и формы в самом языке и в науке о языке, объявить эту проблему схоластичной (так поступает, в частности, Н. Хомский ⁶), не могут рассматриваться как серьезные. От этой проблемы никуда «не уйдешь», она в основе самих функций языка, самой теории языка.

Защитники формалистической грамматики обычно рассуждают так: наша грамматическая концепция помогает избавиться от разных «проклятых вопросов» (вроде только что названной проблемы субстанции и формы) и дает однозначное освещение всех грамматических категорий. Присмотримся, однако, ближе, что это за освещение и насколько подобная грамматика соответствует действительной грамматике тех или иных конкретных языков.

Чтобы дать непротиворечивое освещение всех грамматических вопросов, сторонники формалистической грамматики прежде всего объявляют открытую войну понятию *оттенка* и в грамматике, и во всех других областях языка и науки о языке. Вслед за своим учителем Н. Хомским они исходят из убеждения, что объектом лингвистики является однородный речевой коллектив, все члены которого не только говорят одинаково, но и обучаются языку очень быстро и по одному шаблону. При таком истолковании языка и языковой среды понятию *оттенка* объявляется самая настоящая война. «Понятие оттенка — читаем в одной из работ этого направления, — никакой научной ценности не представляет, и от него необходимо отказаться ... Термин оттенок ... в лучшем случае является избыточным, в худшем — бессодержательным» ⁷. Итак, долой понятие *оттенка*! Но что же тогда станет с человеческим языком, если он лишится возможности передавать оттенки? Что же тогда станет с языком, если он будет в состоянии выражать лишь утверждение и отрицание, черное и белое, да и нет? Исследователи, которые обрекают язык на такую печальную участь, обрекают на такую же печальную участь и самого человека.

Несмотря на всю бесперспективность создания языков, не умеющих передавать оттенки человеческих мыслей и чувств, войну понятию *оттенка* уже успели объявить многие лингвисты ⁸.

⁴ См. рецензию Л. В. Щербы на книгу М. Н. Петерсона «Введение в языковедение» («Русский язык в школе», 1930, № 5, с. 196—200).

⁵ Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 113.

⁶ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972, с. 17.

⁷ «Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка», 1974, № 4, с. 330.

⁸ См., например, Вилкокур Т. Г. Синонимия в функционально-стилистическом аспекте. — «Вопросы языковедения», 1975, № 5, с. 54.